

ДВИЖЕНИЕ ДЕКАБРИСТОВ. ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА

Движение декабристов – особая тема в истории общественного движения в России начала XIX века. Оценки этого явления исторической наукой – прямо противоположные. Советские историки вслед за Лениным видели в декабристах «первый этап освободительного движения», который, естественно, оценивался безусловно положительно. В современной же науке господствуют другие представления: декабристы предприняли попытку разрушить великую империю – и, естественно, за это должны быть историей осуждены.

Однако при всей полярности оценок движения декабристов историография этого движения до сих пор строится по одной и той же уже ставшей классической схеме. С детства, со школьных лет каждый помнил схему: Союз спасения – Союз благоденствия – Северное и Южное общества – восстания в Петербурге и на юге – казнь и Сибирь. Декабристы, истинные патриоты, глубоко сочувствовавшие простому народу, создали тайные общества. Программы же этих обществ из года в год становились все более прогрессивными и радикальными: от договора с царем до цареубийства, от конституционной монархии до республики. И схему эту никто до сих пор не ставил под сомнение.

Однако схема эта – не более чем гипотеза. Гипотеза, которая, кроме всего прочего, не выдерживает проверку фактами. И задача данного исследования – показать, как эта схема сложилась, каким образом была впервые явлена миру и почему впоследствии стала базовой для отечественной историографии.

Когда 14 декабря 1825 года молодой император Николай I подавил восстание на Сенатской площади, он, конечно же, еще ничего не знал ни о Союзе спасения, ни о Союзе благоденствия, ни тем более о Южном и Северном обществах. Начавшемуся сразу после восстания следствию предстояло выяснить, откуда взялся и как развивался «страшнейший из заговоров».

Правда, в первые дни допросов император добился немногого. Арестованные заговорщики – участники восстания на Сенатской

площади – согласно показывали, что ими руководило желание защитить законные права на престол цесаревича Константина Павловича. Так, Д. А. Щепин-Ростовский сообщил, что причина восстания – готовность офицеров лейб-гвардии Московского полка «пролить последнюю каплю крови за императора Константина» [1]. «Я принял намерение после кончины государя Александра Павловича ... что я сам собою, присягнув раз, присягать более никому не хотел без личного повеления моего императора», – показывал князь Е. П. Оболенский, руководивший на площади восставшими войсками. И добавлял, что эту мысль разделяли его «знакомые», вышедшие вместе с ним на Сенатскую площадь [2]. М. А. Бестужев утверждал, что он действовал во имя «удержания на престоле великого князя Константина Павловича, которому он присягал» [3]. Его брат А. А. Бестужев поведал, что 14 декабря собирался «испросить у его высочества личного и словесного отречения» [4].

Первым, кто дал показания о стоявшем за мятежниками тайном обществе, был К. Ф. Рылеев. Арестованный в ночь с 14 на 15 декабря и сразу же допрошенный, он утверждал, что тайное общество в столице «точно существует». Тогда же следствие узнало и о существовании общества на юге: «Я долгом совести и честного гражданина почитаю объявить, что около Киева в полках существует общество. Надо взять меры, дабы там не вспыхнуло возмущения» [5]. Ничего более конкретного на эту тему следствие от Рылеева не добилось. В следующем, данном через несколько дней, показании он добавит: «На счет южного общества подробностей, более того что показал, не знаю; но полагаю, что оно из сильнейших в России» [6].

Это показание позволило следователям сформулировать названия тайных организаций: общество на юге, «около Киева», превратилось в Южное общество, петербургская, «северная» организация вскоре стала Северным обществом. Названия эти закрепились в вопросах следствия и ответах подследственных, потом перешли в историографическую традицию. Но сведения, полученные от Рылеева, никоим образом не устраивали власть, желавшую получить подробные показания о возникновении, развитии и целях этих обществ.

Первая концепция развития тайных обществ и первая внятная попытка объяснить связь между этими обществами и восстанием 14

декабря принадлежала перу знаменитого декабриста, несостоявшегося диктатора восстания князя С. П. Трубецкого. Концепция эта состояла в следующем: тайные общества изначально возникли для того, чтобы помочь правительству. «Цель была – подвизаться на пользу общую всеми силами, и для того принимаемая правительством меры или даже и частными людьми полезные предприятия поддерживать похвально», «способствование правительству к приведению в исполнение всех мер, принимаемых для блага государства», – писал он [7]. При этом князь сообщил и некоторые подробности деятельности тайных организаций. В частности, о том, как образовавшееся в 1816 году тайное общество спустя два года было реформировано и названо Союзом благоденствия.

Однако следователи не поняли: каким образом члены столь благонамеренной организации могли устроить военный мятеж в столице? Трубецкому пришлось дополнять и уточнять свои показания: «во всяком подобном обществе, хотя бы оно первоначально было составлено из самых честнейших людей, непременно найдутся люди ... порочные и худой нравственности», которые испортят прекрасные замыслы. И в данном случае такие люди нашлись, вернее, нашелся один человек – руководитель Южного общества П. И. Пестель.

По словам Трубецкого, Пестелю было все равно, какой будет Россия в будущем – монархией или республикой. Пестель был злым и жестоким человеком, который стремился лишь к диктаторской власти и ради этой власти был готов на все. В том числе и на цареубийство: «Он обрекал смерти всю высочайшую фамилию ... Он надеялся, что государь император не в продолжительном времени будет делать смотр армии, в то же время надеялся на поляков в Варшаве, и хотелось ему уговорить тож исполнить и здесь» [8].

Собственно, цель существования Северного общества, по словам Трубецкого, состояла в том, чтобы сорвать коварные замыслы Пестеля. Восстание на Сенатской площади было обусловлено теми же причинами: если бы его не было, то Пестель бы непременно привел в исполнение свое цареубийственное намерение. Трубецкой резюмировал: «Я имел все право ужаснуться сего человека, и если скажут, что я должен был тотчас о таком человеке дать знать правительству, то я отвечаю, что мог ли я вздумать, что кто б либо сему поверил; изболничить его я не мог, он говорил со мною глаз на глаз. Мне казалось достаточною та уверенность, что он без содействия здешняго общества ничего

предпринять не может, а здесь я уверен был, что всегда могу все остановить — уверенность, которая меня теперь погубила» [9].

Естественно, Трубецкой в своих показаниях был неискренен. Сваливая вину на Пестеля, делая его главным виновником произошедшего, диктатор пытался спасти себя, скрыть от следствия свои собственные революционные приготовления. Князь желал также отвести подозрения от своего близкого друга, помогавшего ему готовить военную революцию – от С. И. Муравьева-Апостола.

Естественно также, что эта концепция не устроила следствие. Трубецкому не поверили. Но к личности Пестеля, который был арестован на юге за день до северного восстания и привезен в Петербург 3 января 1826 года.

Следственным действиям в отношении руководителя Южного общества предшествовала его беседа с императором с глазу на глаз. Император оставил об этой встрече короткую мемуарную запись: «Пестель был злодей во всей силе слова, без малейшей тени раскаяния, с зверским выражением и самой дерзкой смелости в заpiresательстве; я полагаю, что редко найдется подобный изверг» [10]. Иными сведениями об этой встрече историки не располагают.

Но очевидно, что между императором и «извергом» было достигнуто некое соглашение, о смысле которого можно судить по последующим показаниям Пестеля. Уже 4 января Пестель предлагает следствию контуры схемы развития тайных организаций – той самой схемы, которой историки пользуются до сих пор.

Согласно Пестелю, тайное общество возникло в 1816 году; потом, «в 1817 и 1818 году, во время пребывания двора в Москве, общество сие приняло новое устройство»; а «в 1820 или 21 году оное общество по несогласию членов разошлось». Однако сам Пестель и его сторонники с роспуском не согласились: «Я был тогда в Тульчине, и, получа сие известие со многими членами, положили, что московское общество имело, конечно, право переобразования, но не уничтожения общества, и потому решились оное продолжать в том же значении. Тогда же общество Южное взяло свое начало и сошлось сей час с петербургским» [11].

Показания Пестеля содержат сведения о внутреннем устройстве Южного общества, о его руководящих структурах: «Южная управа была предводима г. Юшневским и мною, а третьего избрали мы Никиту Муравьева, члена общества Северного, дабы с

оним быть в прямом сообщении. Северной же думы члены были Никита Муравьев, Лунин, Н.Тургенев, а в скоре вместо онаго к[нязь] Оболенский, а вместо Лунина к[нязь] Трубецкой ... Мой округ был в Тульчине, коему принадлежали ... чиновники главного штаба. Другой же округ в сообщении с оным был в Василькове, под распоряжением Сергея Муравьева и Бестужева-Рюмина» [12].

Кроме того, Пестель рассказывает о других тайных обществах, существовавших в России, в частности, о Польском патриотическом обществе [13] и Обществе соединенных славян [14]. Он заявил и о том, что, возможно, тайное общество существует и на Кавказе, в корпусе генерала А. П. Ермолова: «С корпусом генерала Ермолова не было у нас никакого сношения прямого; но слышал я, что у них есть общество ... Все сии подробности извлек к[нязь] Волконский от Якубовича, который, несколько выпив, был с ним откровенен» [15].

Южный лидер отвергает версию Трубецкого о том, что участниками заговора двигали личные мотивы – и прежде всего мотив противостояния его собственным честолюбивым планам: «Первоначальное намерение общества было освобождение крестьян, способ достижения сего – убедить дворянство сему содействовать, и от всего сословия нижайше об оном просить императора». Поздние общества хотели «введения в государство конституции» [16]. Достичь же этого предполагалось с помощью военной силы.

Как «способ действий» участников тайных обществ Пестель признает и цареубийство. Он подробно рассказывает о «московском заговоре» 1817 года: «В 1817 году, когда царствующия фамилия была в Москве, часть общества, находящаяся в сей столице под управлением Александра Муравьева, решилась покуситься на жизнь государя. Жребий должен был назначить убийцу из сочленов, и оный пал на Якушкина. В то время дали знать членам в Петербурге, дабы получить их согласие, главнейшее от меня и Трубецкого. Мы решительно намерение сие отвергли, и дабы исполнение удержать, то Трубецкой поехал в Москву, где нашел их уже отставшими от сего замысла» [17].

Естественно, что руководитель Южного общества, как и Трубецкой, не говорил следователям всей правды. Пестелю удалось на следствии скрыть собственную – вполне реальную – работу по подготовке в России военного переворота и свести всю деятельность заговорщиков к пустым разговорам о необходимости преобразований. Император же получил схему развития «злоумышленных тайных обществ», которая в ходе следствия корректировалась в мелких деталях, но в целом осталась

неизменной. Нетрудно предположить, что именно в этом и заключалось соглашение, заключенное Пестелем и Николаем I 3 января 1826 года.

Следует заметить, что любые попытки подследственных отступить от этой схемы, сказать что-то свое пресекались достаточно жестко. Так, к примеру, М. П. Бестужев-Рюмин, пытавшийся рассказать императору «все о положении вещей, об организации выступления, о разных мнениях общества, о средствах, которые оно имело в руках ... о Польше, Малороссии, Курляндии, Финляндии» [18]. Почти три месяца – половину февраля, март и апрель 1826 года – заговорщик содержался в тюрьме в ручных цепях. Видимо, «многознание» Бестужева-Рюмина и желание поделиться этими знаниями с другими сыграло не последнюю роль и при вынесении ему смертного приговора.

Схема, предложенная Пестелем, нашла свое наиболее полное выражение в итоговом документе следствия – «Донесении следственной комиссии» [19], написанном правительственным пропагандистом Д. Н. Блудовым по итогам следствия.

«Донесение» много раз подвергалось критике советскими историками. С. Гессен называл его «тенденциозным и лживым до последнего знака препинания» документом [20]. В декабристоведении этот тезис активно поддерживался и развивался. Так, например, В. А. Федоров усматривал «лживость» «Донесения» в том, что его составитель «замолчал либо грубо извратил» «благородные цели декабристов» [21]. Однако нельзя не заметить: с точки зрения фактологической «Донесение» строго следует следственным делам членов тайных обществ.

Для Блудова этот документ, предназначенный для публикации в открытой печати – отнюдь не первый опыт публицистического оформления императорской идеологии. В ночь с 14 на 15 декабря именно Блудову (по рекомендации Н. М. Карамзина) император поручил написать первое правительственное сообщение на Сенатской площади.

Изучая это сообщение, исследовательница А. Г. Готовцева пришла к выводу: уже в нем интуитивно нащупана некая пропагандистская схема, которая потом станет краеугольным камнем официальной концепции развития тайных обществ. Схема эта, названная исследовательницей «схемой Блудова», состояла в следующем: «откровенно врать было невозможно, но и говорить всю

правду тоже не следовало. Информацию нужно было давать, но преподносить ее следовало только в официальной трактовке, никаких иных толкований не допускающей. Истинные масштабы заговора, как и политические лозунги заговорщиков, следовало, по возможности, скрывать. Нужно было также проводить постоянную градацию участников, не забывая при этом выделять группу "заблудших", которым обязательно следовало декларировать "прощение". И, конечно же, венцом этой схемы становился постулат о "преданности" русских людей "законной монархии". При этом незыблемым было и право Николая I на занятие престола» [22].

Впоследствии Блудов – по заданию царя – написал еще ряд публицистических текстов, где эту свою схему успешно развивал.

В «Донесении» же схема Блудова причудливо переплелась со схемой Пестеля.

Во-первых, «Донесение» утвердило хронологическую канву движения. Схема развития декабризма Союз спасения – Союз благоденствия – Северное и Южное общества – восстания в Петербурге и на юге была полностью принята исторической наукой. Во-вторых, вслед за Пестелем и Блудовым и современники, и историки повторяли и повторяют тезис о том, что движение декабристов было практически полностью идеологическим. О конституционных проектах в основном тексте не говорится, но в примечаниях утверждается: «Один проект Конституции написан Никитой Муравьевым. Он предполагал монархию, но оставляя императорскую власть весьма ограниченную... Другая конституция, с именем "Русской Правды" и совершенно в духе республиканском, есть сочинение Пестеля» [23].

Окончательно формируя концепцию возникновения и развития тайных обществ, «Донесение следственной комиссии», конечно, несколько лукавило: ни из республиканских убеждений Пестеля, ни из конституционно-монархических воззрений Никиты Муравьева восстание на Сенатской площади напрямую не вытекало. М. С. Лунин иронически писал: «Достаточно, кажется, заметить, что заговор не длится десять лет сряду; что заговорщики не занимаются сочинением книг, дабы действовать словом и торжествовать убеждением ... История народов всех времен не представляет сему примера» [24]. Но этого лукавства советские историки не поняли: большинство из них сводило «революционную тактику» декабристов именно к идеологии.

Еще один тезис «Донесения», практически без изменений воспринятый советской исторической наукой, – тезис о царевубийстве как составной части этой самой декабристской «тактики». Описывая

в подробностях все, даже случайные разговоры на эту тему, большинство из которых были почерпнуты именно из показаний Пестеля, автор «Донесения» старался представить членов общества «злодеями» и оправдать в глазах общественности тяжелые приговоры, в том числе и смертную казнь. И дать возможность царю отделить, наконец, «вожаков» и «зачинщиков» от «заблудших» и «непричастных».

Историки же, декабристам, конечно же, сочувствовавшие, рассуждали о цареубийственных проектах как о показателе «революционной зрелости» заговорщиков. Схема Пестеля-Блудова в итоге вошла не только в историографию, но даже и в школьные учебники по истории.

На современном этапе развития исторической науки назрела необходимость по-новому, не замыкаясь в схеме Блудова-Пестеля, осмыслить феномен декабризма. Выскажу здесь лишь некоторые свои соображения.

Естественно, движение декабристов – составная часть общественного движения в России начала XIX века. Идеология тайных обществ декабристов не представляла собой ничего уникального. Александровская эпоха – это время повального увлечения идеями конституционализма. Причем первенство в постановке перед русским обществом вопроса о конституции принадлежит отнюдь не декабристам, а императору Александру I, даровавшему в 1815 г. конституцию Польше и планировавшего дать конституцию России. Конституции – более или менее радикальные – писали не только Пестель и Н. М. Муравьев, не только они требовали отменить крепостное право. О необходимости конституции и отмены рабства писали и говорили такие знаменитые сановники, как Н. Н. Новосильцев (который в 1818 г. по поручению Александра I разрабатывал «Уставную грамоту Российской империи», а три года спустя вместе с М. С. Воронцовым и А. С. Меншиковым разработал проект отмены крепостного права), А. А. Аракчеев (который в 1818 г. составил проект крестьянской реформы, предусматривавший постепенную отмену крепостного права), П. Д. Киселев, Н. Г. Репнин и многие другие.

С точки зрения организационных форм деятельности декабристские союзы тоже были вполне традиционны. Согласно сведениям, приведенным в книге В. М. Боковой «Эпоха тайных обществ», В России 1-й трети XIX в. существовало 160

общественных объединений [25]. Причем Россия не была в данном случае исключением: мода на тайные общества захватила всю Европу. Подобные организации создавались с различными целями, но наиболее распространенными были организации с целями политическими. Российские участники таких обществ занимались, в основном, разговорами о необходимости перемен, обсуждали либеральные идеи царя, писали проекты всякого рода конституций.

Тайные общества, в которых состояли те исторические деятели, которых мы сегодня называем декабристами, не были исключением. Они не представляли собой ничего уникального. Деятельность их также сводилась к более или менее либеральным разговорам о необходимости реформ. Но, несмотря на радикализм этих разговоров, никакой реальной опасности для власти не представляли и практически не были связаны с последующими вооруженными выступлениями.

Ведь далеко не все участники Союза спасения, Союза благоденствия, Северного и Южного обществ участвовали в вооруженных восстаниях 1825–1826 гг. И далеко не все участники этих восстаний состояли в обществах. Очевидно, что, причисляя то или иное общество к декабристским, мы опираемся, прежде всего, на силу традиции. Традиции, заложенной на следствии П. И. Пестелем. Пестель состоял в этих четырех тайных обществах, был прекрасно осведомлен об их деятельности и именно об этой деятельности поведал следствию. Если бы он состоял, например, в Ордене русских рыцарей, то очевидно, что история декабризма традиционно отсчитывалась бы именно с этой организации.

Однако в России начала XIX века общественная жизнь строилась отнюдь не вокруг общественных объединений. Она строилась вокруг армии: большая часть молодых дворян были офицерами, армия была единственным для дворянина способом сделать быструю карьеру. Офицеры, тем более те, кто прошел Отечественную войну и заграничные походы, были наиболее социально активным слоем населения. Поэтому не случайно вся конкретная работа по организации русской революции шла не в тайных обществах, а именно в армии. Документы свидетельствуют: армейский заговор начала века был большой и разветвленный, и у заговорщиков были в целом неплохие шансы взять власть в России [26].

Причем в этом заговоре участвовали как декабристы (Пестель, С. П. Трубецкой, А. П. Юшневский, С. Г. Волконский), так и люди, в тайных обществах не состоявшие. Заговор этот был сконцентрирован вокруг влиятельных армейских генералов,

командовавших значительными войсковыми соединениями. Среди таких лиц следует назвать главнокомандующего 2-й армией генерала П. Х. Витгенштейна, его начальника штаба генерала П. Д. Киселева и командира 4-го пехотного корпуса генерала А. Г. Щербатова. И именно следствием деятельности этого заговора стали две неудачные попытки произвести революцию в России.

Схема же, предложенная Пестелем и дополненная Блудовым, оказалось удобной. Удобной прежде всего для императора Николая I, которому вовсе не нужно было показывать всему миру, что российская армия коррумпирована, плохо управляема, заражена революционным духом. И что о заговоре знали и заговорщикам сочувствовали высшие армейские начальники. Гораздо удобнее было представить декабристов как юнцов, начитавшихся западных либеральных книг и не имеющих поддержки в армии.

Можно понять и Пестеля. Полковник, скорее всего, предвидел: если следствие начнет распутывать армейский заговор, выяснять, кто и как на самом деле готовил русскую революцию, то круг привлеченных к следствию и – в итоге – осужденных окажется гораздо большим. Вырастет и число тяжелых приговоров: все же, согласно его собственным замечаниям на следствии, «подлинно большая разница между понятием о необходимости поступка и решимостью оный совершить», «от намерения до исполнения весьма далеко», «слово и дело не одно и то же» [27].

Из всего, сказанного выше, можно сделать следующий вывод: история общественного движения Александровской эпохи нуждается в очень серьезном пересмотре. Причем пересмотре не с точки зрения оценки тех или иных действий тех или иных исторических персонажей, а с точки зрения сбора и осмысления новых фактов. При этом нужно учитывать, что та картина деятельности декабристских тайных обществ, которая известна с 1826 г. и к которой мы привыкли, это не более, чем гипотеза, причем одна из наименее вероятных, наименее подтвержденных источниками.

Источники и литература:

1. Восстание декабристов. Документы и материалы (Далее – ВД). – М.; Л., 1925. – Т. 1. – С. 393.
2. Там же. – С. 223.
3. Там же. – С. 479.
4. Там же. – С. 427.
5. Там же. – С. 151.
6. Там же. – С. 155.
7. Там же. – С. 23, 21.
8. Там же. – С. 26.

9. Там же. – С. 27.
10. Междуцарствие 1825 года и восстание декабристов в мемуарах и переписке членов царской семьи. – М.; Л., 1926. – С. 33.
11. ВД. – М.; Л., 1927. – Т. 4. – С. 79.
12. Там же. – С. 80.
13. «С польским обществом, коего Директория была в Дрездене, в сношении были мы чрез Бестужева-Рюмина и Сергея Муравьева... В 1825 году я сам был в сношении с князем Яблоновским и Гродецким, коих видел в Киеве» (ВД. – Т. 4. - С. 79).
14. «Сказывал мне Бестужев-Рюмин, что он слышал о существовании тайного общества под названием Соединенные Славяне» (ВД. – Т. 4. – С. 82).
15. ВД. – Т. 4. – С. 81.
16. Там же. – С. 79, 81.
17. Там же. – С. 81–82.
18. ВД. – М.; Л., 1950. – Т. IX. – С. 42–43.
19. Его императорскому величеству высочайше учрежденной Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах всеподданнейший доклад // ВД. – Т. 17. - М., 1980.
20. **Гессен С.** Декабристы перед судом истории. – Л.; М., 1926. – С. 12, 15.
21. **Федоров В. А.** Предисловие // ВД. – Т. 17. – С. 8.
22. **Готовцева А. Г.** Официальная пресса о декабристах: этапы формирования правительственной версии // Вісник Чернігівського державного педагогічного університету. – Чернігів, 2006. – Вип. 33. – С. 77.
23. ВД. – Т. 17. – С. 35.
24. **Лукин М. С.** Письма из Сибири. – М., 1988. – С. 74.
25. **Бокова В. М.** Эпоха тайных обществ. – М., 2003. – С. 624–628.
26. См. об этом: **Киянская О. И.** Южное общество декабристов. – М., 2005.
27. ВД. – Т. 4. – С. 103, 112.